

полития

Л.Е.Бляхер, К.В.Григоричев, И.О.Пешков
НА КРАЮ ГОСУДАРСТВА:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
ПЕРИФЕРИИ ВЛАСТИ¹

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00411.

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Константин Вадимович Григоричев — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск). Для связи с автором: grigoritchev@yandex.ru.

Иван Олегович Пешков — кандидат исторических наук, профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук и университета им А.Мицкевича (Познань). Для связи с автором: ivanpeshkov2007@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу особой политической формы, возникающей в «пустом пространстве» на «краю государства», где властные акторы существуют удаленно, за границами «пустоты», но могут быть актуализированы в ней. Такую политическую форму авторы обозначают термином «периферия власти». «Пустое пространство», как показано в статье, это не вакуум, однако в нем нет того, что ожидает увидеть наблюдатель (в данном случае власть), того, что он может прочесть и осмыслить в качестве некоей сущности. Отсутствие ожидаемых объектов, акторов и практик и делает пространство «пустым».

В работе верифицируется гипотеза о том, что, являясь «пустым» для наблюдателя, такое пространство заселено и властно оформлено. Эмпирической основой исследования выступают результаты двух экспедиций в верховья р. Лены. На этой территории нет поселенческой структуры, не ведется легальной хозяйственной деятельности, минимально и число зарегистрированных жителей. Ближайшие представители власти (полиция, природоохрана, муниципальная власть и т.д.) находятся на границах территории, а расстояние до ближайшего крупного города (Иркутска) составляет 500—700 км. Тем не менее в ходе экспедиции там было обнаружено достаточно многочисленное сообщество со своей иерархией, устойчивыми формами коммуникации, легализации и мобилизации удаленной власти в своих ин-

тересах. Пребывание членов этого сообщества на «пустой территории» лишено хозяйственного смысла. Зарегистрированы они в других местах (райцентрах или иных городах области, включая региональную столицу), будучи более или менее успешными горожанами. Но город остается для них не более чем источником ресурсов (материальных, финансовых и т.д.). Живут же они именно в «пустом пространстве». В нем формируются социальные сети, выстраиваются статусы и коммуникация, которая может быть повернута и в пространство власти.

Полученный авторами материал дает основания предположить, что речь идет не о случайном кейсе, а о некоем более общем процессе разделения места для зарабатывания денег и места для жизни. По их заключению, при сохранении сложившихся на сегодняшний день тенденций зафиксированное ими «пространство выхода» будет расширяться, образуя все новые формы «пустоты».

Ключевые слова: периферия власти, пустое пространство, (ре)освоение, властный центр, политические акторы, неформальная коммуникация

Одно из самых устойчивых общих мест при анализе социального пространства заключается в том, что удаленность от центра пространственной системы, периферийность представляют собой своего рода проклятие². Особенно часто о проклятии удаленности говорится в отношении Сибири³. С удаленностью нужно бороться всеми мыслимыми способами: развитием транспортной системы, диверсификацией промышленных объектов, созданием системы льгот, стимулирующих приток новых жителей, и т.д. Если же по тем или иным причинам победить этот порок не удастся, надо просто сконцентрировать население в нескольких крупных городах («управляемое сжатие»), осваивая остальную территорию вахтовым методом⁴. И хотя последовательное изложение данной позиции⁵ вызвало острую дискуссию⁶, сам процесс сжатия пространства в ходе нее не оспаривался.

Кажется, что для подобного взгляда есть все основания. Именно центр выступает точкой наибольшей концентрации ресурсов, источником их распределения. В зависимости от того, о какой территории идет речь, этим центром может быть город федерального, регионального и районного значения. Соответственно, все прогрессивное, молодое и инновационное стремится именно в них⁷. Географическая мобильность трансформируется в мобильность восходящую. На периферии, тем более удаленной, остаются лишь аутсайдеры, которые постепенно исчезают. Мир человека превращается в мир городов.

И если идея «вахтового» освоения периферии особого воодушевления пока не вызвала, то мысль о борьбе с проклятием удаленности через развитие транспортной сети, строительство городов и т.д., похоже, становится значимым элементом не только политологического, но и политического дискурса⁸. Помимо активно обсуждаемых экономи-

² *Vone 2016.*

³ *См., напр. Кибалов 2005.*

⁴ *Гайдар 2005.*

⁵ *Hill and Gaddy 2003.*

⁶ *Мельникова 2004.*

⁷ *Sassen 2001.*

⁸ *Сергей Шойгу 2021.*

ческих причин для такого освоения пространства имеются не менее значимые политические резоны. Гигантская территория с крайне неравномерно распределенным населением и, как следствие, столь же неравномерным распределением властных структур не только порождает феномен социально-экономической удаленности, но и приводит к появлению особого образования — властной периферии, чреватому возвращением к классической войне всех против всех, а также формированием максимально жестких видов господства⁹.

⁹ Сулов 2011.

Лишь в немногих этнографических и крестьяноведческих исследованиях предлагается альтернативная точка зрения¹⁰. Удаленность обретает здесь неожиданный позитивный смысл, представая средством, с помощью которого периферийные социальные группы могут сохранить привычный образ жизни, собственную идентичность, да и просто возможность жить, как им хочется¹¹. Впрочем, речь в данном случае идет, строго говоря, о мировой экзотике. На волне экологической истерии, правда, может возникать (и порой возникает) более или менее массовое движение из городов «на природу». Но подобные переселения чаще всего оказываются временными и весьма относительно успешными, и в конце концов объективные обстоятельства возвращают переселенцев обратно в город.

¹⁰ См., напр. Scott 2009.

¹¹ Schweitzer, Povoroznyuk, and Schiesser 2017.

Важно, однако, что вне зависимости от контекста и оценки феномена удаленности *per se* властная периферия трактуется как безвластие, анархия¹². Эта трактовка кажется нам не вполне верной. Как мы попробуем показать ниже, периферия власти есть не ее отсутствие, но особая форма политического оформления удаленного пространства. Эта форма практически не описана в отечественной литературе, да и в мировой ее описания встречаются нечасто. Причина в том, что в этом случае полития почти лишена легальных, видимых проявлений, оставаясь за пределами и законодательной нормы, и статистического освещения. Власть там присутствует удаленно; не осуществляя постоянного и непосредственного регулирования, она оказывает влияние на происходящие процессы самим фактом своего существования и возможностью прямого вмешательства. И именно она создает условия для специфического (ре)освоения «пустого пространства», некогда бывшего частью индустриальной цивилизации, но выпавшего из нее. Иными словами, применительно к «ущербным», с точки зрения сторонников развития через индустриализацию и урбанизацию, территориям следует говорить не о безвластии, а об особенностях присутствия на них государства. Однако прежде чем переходить к такому разговору, необходимо уточнить, что мы понимаем под «пустым пространством».

¹² Scott 2009.

Вслед за Анри Лефевром¹³ мы рассматриваем социальное пространство как особого рода текст, который считывается наблюдателем или членом территориального сообщества, причем считывается часто по-разному, в зависимости от специфики взгляда и того, что именно считывающий ожидает увидеть. Этот текст (понимаемый как взаимное расположение артефактов, акторов, способов взаимодействия с ними,

¹³ Lefebvre 1991.

их властного оформления) предполагает некоторый набор практик и препятствует иным, не характерным для пространства данного типа. Наличие в пространстве ожидаемых предметов, явлений, практик осознается как его наполненность и освоенность. Их отсутствие осмысливается как пустота.

Та «пустота», о которой пойдет речь в настоящей статье, образовалась в ходе многократно описанного процесса «пространственного сжатия»¹⁴. Люди перебираются в крупные города или районные центры, закрываются школы, больницы, дома культуры и т.д. Исчезает или деградирует властная структура — местное самоуправление, органы охраны правопорядка, контролирурующие ведомства. Оставшиеся старики (легальные жители) постепенно умирают, и властный взгляд фиксирует исчезновение населенного пункта (поселения). Возникающее в результате пространство и воспринимается в качестве пустого, того, где никого и ничего нет. И электорально, и экономически оно перестает быть интересным даже на уровне района, не говоря уже о регионе или стране в целом, и фактически уходит из фокуса властного внимания.

Такое восприятие закрепляется статистикой, где минимальной территориальной единицей выступает поселение с официально проживающими в нем людьми. Субпоселенческий уровень и отсутствие легальной регистрации делает эту часть пространства и его жителей невидимыми¹⁵ и для власти, и для статистики. Конечно, проверяющий из МВД, природоохранных или иных контролирующих структур вполне может обнаружить невидимок. Но для этого он должен приложить усилия, не оправданные ни экономически, ни политически. До тех пор, пока не возникают экстраординарные обстоятельства (пожар, наводнение, убийство и т.д.), пространство остается пустым для властного взгляда. Но этот взгляд не единственный. И здесь чрезвычайно важной представляется введенная Джеймсом Скоттом дихотомия: всеобщее знание и «метис». Первое знание опирается на властные институты, экономические и политические штудии, статистику. Оно и конструирует «пустоту», то есть отсутствие того, что могут «видеть» эти институты и штудии, что представляет для них интерес. Второе — на понимание того, «как делаются дела» в данное время и в данном месте¹⁶.

Именно о втором взгляде на «пустое пространство» и пойдет речь ниже. Существенно, что это взгляд не только тех, кто официально проживает на соответствующей территории, но и «невидимок», которых юридически на ней нет. И если с позиции внешнего наблюдателя (и всеобщего знания) совершенно отчетливо фиксируется «сжатие» пространства, то с позиции «метиса» мы видим иное — его расширение. В «пустоте» на долю каждого оставшегося (появившегося) приходится *больше* пространства. Ведь и «считываются» жителями не только и не столько социальная инфраструктура, наличие властных институций и легальной хозяйственной деятельности, сколько места рыбалки, охоты, других видов местной активности, снижение плотности властного регу-

¹⁴ См., напр. Трейвиш 2010.

¹⁵ Бляхер 2014.

¹⁶ Scott 2009.

лирования, возможности символического и фактического присвоения этого пространства.

Таким образом, задача настоящей статьи — попытаться проникнуть в «пустоту» на краю государства. При этом мы постараемся показать, что, казалось бы, отсутствующие там властные институты на самом деле не просто присутствуют — лишь благодаря им и оказывается возможным (ре)освоение «пустоты».

Горожане в тайге

¹⁷ *Его результаты см. Бляхер и Григоричев 2020.*

Основанием для такого проникновения выступают два полевых исследования, проведенные авторами в 2018 (пилотное¹⁷) и 2021 (основное) гг. в верхнем течении Лены в 400—700 км от Иркутска. Маршрут экспедиций проходил от с. Усть-Илга Жигаловского района Иркутской области до г. Усть-Кут (320 км). Эта территория подпадает под определение «пустого пространства» и с точки зрения власти, и с точки зрения внешнего наблюдателя.

¹⁸ *Данные Иркутского областного статистического управления.*

Большая часть этой территории относится к межселенной, то есть не имеет поселенческой структуры (за исключением Усть-Илги), и потому в минимальной степени охвачена статистикой. Это относительная новация. Судя по статистическим данным, еще 10 лет тому назад (до 2012 г.) поселенческая структура там частично сохранялась, а в более ранние времена (1980-е годы) полностью покрывала пространство. Официально здесь проживают 168 человек¹⁸, в число которых входят и жители лишенных поселенческой структуры частей Жигаловского и Усть-Кутского районов Иркутской области, лежавших в стороне от маршрута экспедиции. На территории отсутствует мобильная связь, круглогодичные дороги, нет больниц, в 2021 г., накануне проведения основного этапа полевого исследования, была закрыта последняя школа (в с. Боярск). Практически не ведется и легальной хозяйственной деятельности. Во время экспедиции наши собеседники упоминали о фермерах, однако в официальных отчетах районов они не значатся. Говорилось об охотниках, которые «заключили договор и ушли на участки», но в статистике эта деятельность не отмечена в качестве «местной», поскольку и контора, с которой заключался договор, и сами охотники зарегистрированы в райцентре Жигалово. Единственная «видимая» занятость тут связана с постепенно исчезающим социальным обслуживанием и представлена работниками двух библиотек¹⁹, двух магазинов, а также «дизелей», обеспечивающих периодическую подачу электричества в два крупнейших из сохранившихся населенных пунктов — Орлингу (17 жителей) и Боярск (около 30 жителей).

¹⁹ *По размерам напоминающих стандартный деревенский дом, но оснащенных несколькими солнечными панелями и спутниковой тарелкой.*

Готовясь к полевому этапу 2021 г., мы изучили местность по официальным документам и картам за последние 60 лет и провели несколько глубинных неформализованных интервью с ее уроженцами, ныне проживающими в Иркутске. Цель этой (предварительной) работы — построение ретроспективного образа территории до превращения ее в «пустое пространство», получение официальной картины

«пустых земель». На картах 1970-х годов на этой территории отмечены десятки поселений, в том числе достаточно крупные (в с. Орлинга, например, было более тысячи жителей). Основным занятием населения, по свидетельству одного из наших информантов, была охота, вокруг которой фактически выстраивалась не только вся хозяйственная деятельность, но и социальная организация. Именно охотники (с образованием не ниже техникума, а то и охотоведческого факультета вуза) и составляли местную элиту. Жили охотники в ближайших деревнях. Там же часто располагались зверофермы и обеспечивающие формы хозяйства (разведение скота, выращивание овощей, репе — зерновых). Как отмечалось в том же интервью, охотник на своем участке был полным хозяином. Тема охотника-хозяина постоянно всплывала в разговоре. Он определял время и место работы, воплощая высшую власть на участке; от мнения охотников зависела и жизнь поселений. Местные управляющие структуры обладали существенно меньшим престижем, как и иные «подсобные» виды деятельности. Иными словами, несмотря на постоянное институциональное присутствие, «власть» (сельские и поселковые советы) занимала подчиненное положение в социальной структуре, выступая скорее в роли инструмента социальной защиты. Настоящая власть — партийная и хозяйственная — оставалась удаленной, действуя из районного и областного центров преимущественно посредством экономических механизмов (закупка пушнины по «твердым» ценам, завоз техники и инвентаря) и гарантируя охотничьей элите право «быть хозяином».

Регулярное сообщение обеспечивалось катерами и баржами, ходившими в тот период до Жигалово и даже выше — до п. Качуг. В Качуге находился завод по производству малотоннажных плавсредств для Лены и Байкала. В Жигалово с 1933 г. располагалась большая судовой верфь (позднее судостроительный завод), где строились и ремонтировались сухогрузные теплоходы для навигации по Лене.

По Лене осуществлялся «северный завоз» в отдаленные районы Иркутской области и Якутии. Собственно, его наличием и объяснялась интенсивность сообщения в летний период. Информант вспоминал даже о возможности «поймать попутку» — катер для поездки в Усть-Кут или иной центр. В связи с «северным завозом» проводились регулярные работы по расчистке и углублению реки. Зимой функционировал оборудованный зимник по льду. В каждом поселении имелись школа (начальная, восьмилетка или полная средняя), почтовое отделение, клуб, магазины, фельдшерский пункт или больница, склады товаров, прибывающих в рамках «завоза», и заготконтор. Власть присутствовала именно в отдаленном формате. Представители власти назначали цену на продукцию, обеспечивали регулярную поставку товаров народного потребления, функционирование социальной инфраструктуры. Отношения местного населения с властью, судя по словам информанта, воспринимались как торговая сделка — продукты охоты в обмен на вознаграждение и обеспечение. Этот момент принципиально важен для

нашего рассмотрения. Хотя информант не акцентировал это обстоятельство, сама возможность быть хозяином (для охотника и, шире, местного жителя) гарантировалась государством.

Со строительством БАМа ситуация начала меняться. Железная дорога и автомобильная трасса прошли через Усть-Кут, откуда и стал осуществляться «северный завоз» по Лене. Интенсивность судоходства на участке выше Усть-Кута упала, ухудшились его условия, что привело к удорожанию социальной инфраструктуры и снижению рентабельности пушного промысла. Доходы охотников, а с ними и всех жителей уменьшились, наметилась тенденция к оттоку населения. Выпускники местных школ, отправлявшиеся учиться в Иркутск или Братск, не возвращались. Не приезжали и новые поколения охотников.

На первом этапе (до середины 1980-х годов) отток этот был не очень значительным. Однако в 1990-е годы в условиях деградации социальной инфраструктуры и распада хозяйственных связей он принял массовый характер. Место «удаленного» государства — торгового партнера занял частный собственник, превращающий охотника в наемного работника, гораздо жестче регламентирующий его деятельность и снижающий оплату. Регулярное судоходство (основная форма связи с Большой землей) на этом участке практически прекратилось. В результате плохо регулируемой вырубке лесов (в том числе «черными лесорубами»²⁰) заметно обмелело русло Лены, упала продуктивность охоты. Как следствие, население потянулось в Усть-Кут — узловой центр «северного завоза» и п. Жигалово с расположенным рядом Ковыктинским месторождением.

На некогда довольно плотно заселенной территории остались лишь представители старшей и сверхстаршей возрастных когорт, не имевшие возможности или желания перебраться на новое место. Исчезли промысловые хозяйства, а вместе с ними видимая хозяйственная деятельность, медицинская помощь, школы, клубы. Из 29 посещений, которые мы посетили в ходе экспедиции, в 19-ти просто не было зарегистрированных жителей, в остальных же их число колебалось от одного до 37-и. Исчезла и «власть». Ближайшие (районные) властные центры и структуры находятся отсюда на значительном расстоянии, что при отсутствии регулярного сообщения делает власть скорее предполагаемой, чем наличной сущностью. Она есть (наши информанты упоминали о «женщине-полковнице, бабе по-нашему»), которая иногда проезжает по реке и всех штрафует, и представителях природоохранных органов, «пасущих всех возле Усть-Кута»), но в повседневной жизни участия не принимает. То есть речь идет о классической «брошенной» земле, пустой территории, образовавшейся после «сжатия» социального пространства²¹.

Тем большее удивление у одного из авторов статьи, оказавшегося на этом участке реки в июле 2018 г. в составе экологической экспедиции, вызвала недавно выстроенная усадьба с многочисленными хозяйственными постройками, автономным электроснабжением и ото-

²⁰ Бухаева и Рагулина 2019.

²¹ Моляренко 2017.

²² Григоричев 2013.

плением, спутниковой связью, канализацией, водоснабжением и т.д. Повторим, что речь идет о территории, удаленной на сотни километров от больших городов. Даже дорога, хотя бы в виде грунтовки, заканчивается в 120 км отсюда. Здесь почти нет магазинов, больниц, не работают сотовые операторы. Если бы подобная усадьба располагалась в пригороде, ее можно было бы рассматривать как некий вариант субурбии²², дачу или даже основное место проживания состоятельного человека. Но в условиях столь отдаленной и необжитой местности такое проживание кажется малоосмысленным.

²³ Бляхер и Григоричев 2020.

При подготовке статьи по результатам изучения этого феномена²³ было обнаружено несколько сходных кейсов на территории Алтайского и Хабаровского краев. Каждый раз речь шла о строительстве, заведомо не имеющем хозяйственного смысла, невероятно затратном (в иркутском кейсе все материалы для стройки, как и сами строители, завозились по реке или по зимнику). В каждом случае удаленность и труднодоступность становились важным *позитивным* фактором, детерминировавшим выбор места. Иными словами, мы имеем здесь дело не с аномалией, а с некоей более широкой практикой, не вписывающейся в устоявшиеся экономические представления.

Для того чтобы попытаться осмыслить логику столь необычного обживания «пустого пространства», и была организована экспедиция летом 2021 г. От Иркутска до Усть-Илги мы добирались автотранспортом. Уже на этом (предварительном) этапе была зафиксирована первая странность. Несмотря на то что участок Лены между Качугом и Жигалово активно посещается любителями рыбалки, там практически полностью отсутствует придорожная экономика, ориентированная на этот совсем не маленький поток потенциальных потребителей. Соответствующая инфраструктура появляется лишь вдоль автодороги, уходящей от Жигалово на северо-восток к п. Магистральный (БАМ). Участок же вдоль Лены уже здесь оказывается «пустыми землями», которые становятся все менее обжитыми на север от Жигалово, где гравийка превращается в грунтовку, лишь частично засыпанную гравием. На противоположном от Усть-Илги берегу Илги, притока Лены, дорога заканчивается. Усть-Илга, расположенная относительно недалеко от райцентра и обладающая дорогой, хотя и без переправы через мелководную реку, еще относится к «обжитому пространству» (есть социальная инфраструктура, связь, управленческие структуры со всеми должностными лицами). За ней начинается поле в «пустом пространстве».

Продвигаясь в течение двух недель по реке от Усть-Илги до Усть-Кута, мы обследовали, как уже упоминалось, 29 сел. Часть их полностью исчезла и официально, и фактически. Некоторые бывшие поселения успели покрыть вторичный лесной покров. Кое-где еще сохранились следы проживания людей — остовы жилых домов, обвалившиеся хозяйственные постройки, угадывающиеся улицы и т.д. Да и в тех поселениях, где жители еще остаются, много брошенных и разрушающихся жилых домов и иных строений. Так, при обследовании с. Орлинга было

обнаружено пять полуразрушенных зданий — три с вывеской «магазин», два с вывеской «клуб». Но разрушающаяся застройка советского периода была не единственным вариантом заполнения «пустого пространства».

²⁴ Нефедова 2012.

Не менее распространенным вариантом оказались «дачи». Подобная ситуация отчасти напоминает ту, что мы можем наблюдать вокруг мегаполисов в европейской части России²⁴, — с той лишь разницей, что речь идет о местах, удаленных от ближайшего даже не мегаполиса, а крупного города (Иркутска) на сотни километров. Собственно, «дачами» здесь обзаводятся жители Жигалово и Усть-Кута — райцентров, к которым административно относится соответствующая территория. Причем «дачи» совершенно явно распадаются на две группы. Одни из них представляют собой нечто вроде охотничьих заимок, рассчитанных на кратковременное проживание в период охоты или рыбалки. Вторые ориентированы именно на отдых в тайге, на природе.

Уже в первом по маршруту п. Молодежный, где официально обитает «ноль» жителей, были обнаружены новые добротные постройки, мало походящие на дома деревенских жителей. По сути дела, это были комплексы из сходных по материалу строений, в каждый из которых кроме жилого дома входили баня, беседка, зона барбекю, летний домик. «Дачи» этого типа нам встретились в четырех деревнях, причем чаще там, где присутствовали и местные жители, нередко выполняющие функцию сторожей. Иногда это были перестроенные дома сельчан, иногда — полностью новые строения. От привычных сельских домов они отличались формой, наличием (в большинстве случаев) второго этажа, отсутствием огорода и иных пространств, предполагающих сельские занятия (сенников, сараев, хлевов и т.д.). Зато обязательными элементами были зона барбекю и беседка. Часто имелась летняя кухня. Во многих домах были балконы с видом на реку и пластиковые окна.

Вторым типом «дачных» строений были дома местных жителей, переделанные их наследниками под новые задачи. При таких домах тоже отсутствовал огород, иные традиционные элементы крестьянского хозяйства. Зато появились новации. Например, в одном из поселений новые жители прорубили в стене дома ворота, установив сходни к реке. По существу, дом превратился в оборудованный под временное жилье гараж для моторной лодки и иной техники. Имелись и строения, напоминающие зимовья охотников. Отметим, что «дачи» данного типа более распространены в «живых» деревнях, где в каком-то виде сохранилось территориальное сообщество.

Наиболее необычным был третий вариант нового освоения (случайное обнаружение которого, как уже говорилось, и стимулировало нас на проведение исследования). Речь идет об усадьбах со всеми городскими удобствами и огромными высококачественными строениями при отсутствии какого-либо видимого экономического смысла. За время экспедиции были обнаружены три полностью построенные усадьбы и три усадьбы, находящиеся в процессе строительства. Из построенных

усадеб нам удалось обследовать только одну. Обитатели (работники, охранники) второй, владелец которой, бывший мэр Усть-Кута, содержась в иркутском следственном изоляторе, не разрешили ее осмотреть. Не получилось у нас осмотреть и третью. Но даже с реки тип строений и их предназначение были вполне очевидными, тем более что на территории усадьбы в тот момент проходила шумная вечеринка. Зато первую мы смогли обследовать достаточно подробно и в динамике, поскольку это была именно та усадьба, на которую мы натолкнулись в 2018 г.

Поселение, где она размещается, четко делится на две части — собственно усадьбу (дом хозяина, гостевой дом, баня, дом управляющего, службы и т.д.) и «деревню», на территории которой расположены дома работников и единственного местного жителя, баня для работников и церковь, построенная на деньги и по инициативе владельца усадьбы. К усадьбе примыкает поле солнечных батарей, обеспечивающих поселение энергией (мощностью, по словам информанта, до 100 кВт), рыбозаводная станция, обнесенный высокой изгородью расчищенный участок (около 25 га), где разводят кабанов и маралов, выпуская их во второй огороженный участок выше по реке. На противоположном берегу реки распахан участок в несколько гектаров. По сути, здесь сложилось новое население поселка. Точно оценить его численность мы не могли, поскольку часть работников находилась на реке и на участке для разведения кабанов и маралов, часть была отпущена в райцентр на выходной, но в беседе с информантом речь шла о 17 работниках со своей иерархией. В распоряжение работников предоставлены достаточно дорогостоящие транспортные средства — вездеходы, квадроциклы, моторки и даже аэролодки, позволяющие менее чем за два часа добраться до райцентра. Для сравнения: на моторной лодке участников экспедиции туда пришлось бы плыть более девяти часов.

В двух из недостроенных усадеб в момент обследования были работники, с которыми нам удалось побеседовать. В первом случае были уже выстроены «хозяйский дом» (хотя на первом этаже пока отсутствовали окна), баня, некоторые хозяйственные постройки. Но строительство продолжалось, работала пилорама, велись еще какие-то работы. Имелся здесь и подъем от реки, явно недавнего происхождения, по которому (как сообщил информант) доставлялись завозимые по реке материалы.

Во втором случае провести подробный осмотр не получилось. Сторож (работник?) усадьбы утверждал, что это база некоей организации, доступ на которую для посторонних закрыт. Однако каких-либо сведений о ней в открытых источниках мы не нашли. По внешнему виду строений, выходящих к реке, «база» не отличалась от усадьбы: четко выделялись «хозяйский дом», служебные помещения, зона барбекю, баня.

На третьей стройке мы не застали ни работников, ни сторожа (обследование пришлось на выходной день). Но расположение и явно не деревенский вид возводимых строений (окрашенное новое дерево, металлические крыши, «французские» окна в пол), а также их отделен-

ность от основной (пустой) деревни оврагом позволяют предположить, что это строящаяся усадьба.

Для корректирования и верификации нашей трактовки увиденного использовались беседы с информантами. При этом заранее подготовленные гайды для интервью оказались не вполне релевантными, поскольку обнаружилось, что наше исходное знание о «пустом пространстве» является как минимум неполным. В число информантов вошли четыре официально зарегистрированных местных жителя, три работника усадеб и один владелец «дачи». В связи с тем, что у нас далеко не всегда была возможность включить диктофон, часть ответов и рассказов информантов фиксировалась позже, по памяти. Наряду с результатами наблюдения и предварительного изучения массива статистических данных, интервью с информантами и стали эмпирической основой для наших построений.

**Новые
отходники:
исход
на периферию
власти**

Отходничество сегодня перестает быть социальной экзотикой²⁵. На материале периферийных территориальных систем²⁶, а также малых городов и сельских поселений²⁷ это явление довольно подробно описано. В соответствующих работах говорится о том, что привычная и комфортная для жителей реальность малых городов и поселков не позволяет человеку прокормить себя и свою семью. Потому люди *временно* перебираются в крупные города и мегаполисы, где есть работа с относительно приличным жалованием, позволяющим *прожить дома*. Казалось бы, ситуация, обнаруженная в ходе проведения полевого исследования, напоминает классический вариант современного отходничества. Люди уехали из распадающегося, «пустого» социального пространства туда, где могут заработать. То есть речь идет о взаимодействии двух хозяйственных систем²⁸. Однако здесь просматривается существенная специфика.

Наиболее близки к образу отходников бывшие «местные», перебравшиеся в райцентр (п. Жигалово, г. Усть-Кут) и передельывающие дома для более или менее кратковременного пребывания, охоты, рыбалки и др. Но и в данном случае отличие принципиальное. Даже эти «местные дачники» официально проживают в городе (поселке городского типа). В противовес отходникам, они не перекачивают ресурсы из большого города в малый с целью выживания. Они живут (квартира, семья и т.д.) там, где есть работа. Заработанное же инвестируется в «пустое пространство», лишенное утилитарного смысла.

Довольно сложно вписать эти «дачи» и в модель «совокупного жилья горожан»²⁹. Реализация рекреационной функции оказывается крайне затратной. Отсутствие минимальных удобств, удаленность (даже от райцентров), необходимость завозить большую часть необходимого для жизни по воде (в летний период) или по зимнику (зимой) делает полноценную рекреацию возможной лишь на границах «пустоты». (О приезде детей «на лето» нам рассказывали информанты из п. Усть-Илга близ

²⁵ Плюснин и др. 2013.

²⁶ Капустина 2008.

²⁷ Флоринская 2006.

²⁸ Плюснин и др. 2013.

²⁹ Вагин 1997.

Жигалово и п. Турука близ Усть-Кута, где, кстати говоря, присутствовали и привычные дачные домики.) Мало того, что подобная «дача» менее удобна, чем дача возле города или поселка, она еще и намного дороже. Ведь продукты, строительные материалы и т.д. сюда приходится везти издалека.

Еще менее осмысленной становится в этих условиях хозяйственная деятельность, присущая дачам 1990-х годов. По словам одного из информантов, сегодня убыточна в том числе и добыча пушного зверя — некогда самая прибыльная часть хозяйственной деятельности на территории, компенсировавшая убыточность всех остальных ее видов. Иными словами, ни отдых в привычном смысле, ни хозяйство не могут служить мотивом для содержания подобной «дачи» даже местными жителями, не говоря уже о жителях райцентра, заводящих себе «угодья» в «пустом пространстве». Примечательно, что зачастую сами «владельцы» затрудняются с ответом на вопрос, для чего им это владение.

«Я тут купил два гектара в деревне... этой... в Высоково. Да там и нет ничего. Был дом, но его сожгли. Этот сжег... мэр бывший, который сейчас у вас в Иркутске сидит. А дом хороший. Я думал, его отремонтировать можно. <...> Сейчас там ничего нет. Ну, я подумал: пусть будет» (житель Усть-Кута, около 35 лет, предприниматель).

³⁰ Моляренко 2013.

³¹ Etzioni 1998.

³² Маклюэн и Фиоре 2012.

Пожалуй, ближе всего к описываемой ситуации модель распределенного образа жизни в трактовке Ольги Моляренко³⁰. Справедливо отмечая, что классические формы дауншифтинга³¹ не вполне соответствуют российским условиям, она сосредоточивает внимание на различных типах домохозяйств. Объекты ее анализа — рантье самой разной природы, чье участие в хозяйственной деятельности ограничено потреблением, люди, для которых сельская местность выступает местом рекреации или удаленной работы (в духе «информационного коттеджа» Маршалла Маклюэна³²), и, наконец, те, кто прибегает к сельским занятиям, будучи не в состоянии полностью обеспечить себя в городе.

³³ Григоричев 2013.

На первый взгляд, картина получается сходная. Горожане так или иначе инвестируют в село, трансформируют сельское пространство, исходя из собственных представлений о том, как оно должно выглядеть. Они же образуют и рынок сбыта для селян, тем самым ориентируя их на виды хозяйства, необходимые горожанам или бывшим горожанам³³. Однако и здесь имеется принципиальное отличие от рассматриваемого кейса.

³⁴ Кордонский 2008.

Все процессы, анализируемые Моляренко (а также Симоном Кордонским³⁴), протекают между городом и сельской местностью, то есть между двумя видами социума. В нашем же случае второй (сельский) социум практически отсутствует. Остались его следы или сконструированная память о прошлом, причем далеко не во всех поселениях. Только в четырех из обследованных нами поселений «местные» образуют сколько-нибудь функционирующее сообщество. Показательно и то, что как раз в них и новые строения, и даже переделанные «дачи» встреча-

ются реже всего. Возникает ощущение, что горожан (от жителей райцентра до жителей региональной столицы) привлекает именно «пустота», а отнюдь не «сельская местность». Именно между городом и «пустотой» распределяется их жизнь.

³⁵ *Владелец усадьбы.*

«М.³⁵ — молодец. Другие себе дома в Европе строят, на теплых морях. А он в родные места вкладывает. До него здесь, считай, уже ничего не было. Он и церковь построил, дома все. Молодец, одним словом» (мужчина пенсионного возраста, единственный официальный житель поселения с усадьбой).

Важно и то, что, судя по наблюдениям и интервью, в рассматриваемом случае, в отличие от ситуации, характерной для «хоры» столиц и мегаполисов, все «новые жители» более или менее успешны. Да и райцентры (Жигалово и Усть-Кут) — относительно благополучные поселения с «работой и зарплатой». Через Жигалово осуществляется снабжение Ковыктинского месторождения, обеспечивающего работой многих жителей. В поселке имеются судовой завод, асфальтовый завод, предприятия бытового обслуживания, достаточно развитая сеть магазинов. Функционирует больница. Есть своя газета и телевизионная студия. Еще более развита социальная инфраструктура в Усть-Куте, одном из узловых центров «северного завоза», где пересекаются речной и железнодорожный пути, расположены управленческие структуры Верхнеленского речного пароходства, действуют предприятия нефтегазового сектора. Стоит отметить, что в недавнем прошлом оба райцентра были столицами лесной отрасли³⁶.

³⁶ *Тагиев 2018.*

Так что, как заметил один из наших информантов, *«те, кто крутятся, все... живут нормально»*. Характерны и его рассуждения о владельце усадьбы — экс-мэре Усть-Кута, оказавшемся в СИЗО: *«У него и так все было. Весь почти лес через него шел. „Леналессервис“, считай, его был. Полез в политику. Чего ему не хватало? Вот и получил сразу»* (житель Усть-Кута, около 35 лет, предприниматель).

Иными словами, речь идет отнюдь не о рантье или фрилансерах, а о вполне интегрированных в городское сообщество людях. Тем более это касается владельцев усадеб. Примечательно, что две из обнаруженных нами усадеб были представлены информантами (работниками) в качестве баз предприятия, которым руководит «хозяин». Является ли он директором или владельцем предприятия, информанты не знали. Он был для них просто «хозяин».

³⁷ *Город в Иркутской области, переживший в 2019 г. сильное наводнение.*

«Мы все из Тулуна³⁷. Когда город смыло, мы в Иркутск поехали. Там уже хозяин нас нанял. Отправил сюда, базу строить. Здесь все есть. Баня есть, вода, свет. Телефон есть спутниковый. Нормально живем. Работа. Платит тоже нормально. <...> Сам хозяин на вертолете прилетает. Иногда сам, иногда с гостями. Тут им все — охота, рыбалка, шашлыки. <...> А мы? Да, строим. Тут еще работы много» (строитель усадьбы, около 45 лет).

Вполне успешные и интегрированные в городское сообщество (райцентра, Братска, Иркутска) люди, изначально не предполагая по-

лучение дохода, инвестируют в «пустоту» огромные суммы, иногда, как в случае усадьбы с солнечными батареями, хозяйственными постройками, инфраструктурой и обслуживающими «угодья» работниками, достигающими десятков и даже сотен миллионов рублей. Отсутствие видимого хозяйственного смысла подобных «невозвратных вложений» заставляет предположить, что у них имеется какой-то иной смысл. Понятно, что на материале «полутора» экспедиций даже с привлечением дополнительных данных можно говорить только о более или менее обоснованной гипотезе. Суть этой гипотезы в специфической трансформации, переживаемой сегодня городами в восточной части страны.

На востоке России города изначально строились как военные ставки (крепости, остроги) или инициированные властью производственные центры³⁸, населенные «чужими», не по своей воле оказавшимися там людьми, выполнявшими предписанные им внешней силой функции. Разумеется, в чистом виде подобная структура невозможна даже в военном лагере или тюрьме. Механизм преобразования «незнакомца» в «своего», понятного и предсказуемого, работал. Удаленность властного центра, слабость коммуникации между городом на периферии и столицей создавали условия для выстраивания неформальных отношений, обеспечивающих необходимый уровень солидарности.

Эта неформальность, встроенная в формальные структуры, продолжающая жить в их «прорехах», сохранялась и в имперский, и в советский период. Не случайно почти сразу после начала возведения на «пустом месте» новых городов советской эпохи возникла огромная «серая зона» частного сектора³⁹, где воспроизводились общинные отношения. По сути, именно на наличии такого «частного сектора», где была возможна приватность, солидарность, где выстраивались сетевые взаимосвязи, и базировалась устойчивость имперской системы от Московского царства до СССР. Да и любой империи, если вслед за Чарльзом Тилли⁴⁰ трактовать ее как особый тип организации гетерогенного социального пространства, когда власть центра над любым сегментом этого пространства опосредована местной элитой, наделенной значительной автономией в обмен на полную лояльность центру.

По существу, имперской была и структура социального пространства, возникшая после крушения СССР. Центральная власть делегировала значительную часть полномочий «доверенным лицам» на местах. Собственно, это во многом и позволило остановить распад империи, лишь «обкрошившейся по краям»⁴¹. Коммунистическая идея уступила место ориентации на вхождение в «клуб цивилизованных стран», исчезла КПСС, но само пространство осталось имперским.

Внезапный слом прежних порядков серьезно отразился на городах, лишившихся статуса ставки власти, упорядочивающего ока законов, привычных форм социального обеспечения и т.д. Однако города не исчезли и не деградировали. Более того, после относительно короткого «бандитского» этапа со множеством конфликтов при отсутствии устойчивых форм их разрешения возникли новые правила, причем впервые

³⁸ Алексеев 1998: 72—73.

³⁹ Дятлов 2021.

⁴⁰ Tilly 1997.

⁴¹ Выражение Эмиля Паина.

⁴² Bliakher 2013.

в истории созданные не властью, а самим сообществом. «Региональных баронов» (губернаторов)⁴² тогда интересовали только «кормящие отрасли» и переизбрание на следующий срок. Все остальное отдавалось на откуп населению.

Советский принцип обеспечения жильем (от предприятия или учреждения) сам по себе был мощным источником неформальных соседских и семейных контактов. Появление в домах богатых жильцов и обнищание части других не сказались на этих контактах. В городах складывалось если не сообщество, то сообщества и совместности как особый тип социальных связей, обусловленных использованием общего пространства (подъездов, дворов, стоянок и т.д.). В ходе становления таких сообществ и совместностей и возникали относительно безопасные («для своих») и комфортные пространства. В рамках этих пространств формировались и виды деятельности, детерминированные наличием подобных связей. При этом, как и в средневековых городах, там далеко не все решала экономическая эффективность. Процветали спонсорство и меценатство, и статус человека не в последнюю очередь определялся участием в благотворительных проектах, позволявших сглаживать последствия скоропалительных реформ.

⁴³ Бляхер
и Огуцова 2006.

Первые потоки нефтедолларов, хлынувших в страну в середине «нулевых» годов, потекли в эти уже сложившиеся структуры. Но так продолжалось недолго. Новая властная группа, утвердившаяся в федеральном центре в «нулевые» годы, не участвовала в неформальных договоренностях предшествующего периода, связывавших имперское пространство. Может быть, именно поэтому у нее и возникла мысль о необходимости «спасать Россию». Способом такого спасения стало построение «вертикали власти», камералистски привязывающей периферию к центру⁴³, а его инструментами — надзорные и силовые органы, жесткие правила и не менее жесткие формы контроля над их соблюдением.

⁴⁴ Панях 2003.

Если раньше закон представлял собой высшую планку риска, за которой прекращалась любая деятельность⁴⁴, в связи с чем жизнь строилась по принципам обычного права, то теперь ситуация изменилась. Появилась возможность жить по закону. Но возникла новая сложность. Тенденция к нормализации права начала перерастать в гиперконтроль.

⁴⁵ См. Каганский
2001.

Трудно назвать конкретную причину такого развития событий. Понятно, что их множество и в каждом контексте актуализируется какая-то своя. Но наиболее важную роль, на наш взгляд, здесь сыграли особенности политического пространства страны, а именно эклектичность его ландшафта (в понимании Владимира Каганского⁴⁵). В подобных условиях попытки выработать единые для всех правила игры при полном нежелании делегировать часть власти агентам на местах неизбежно приводят к тому, что правила эти для всех же — от Москвы до самых до окраин — оказываются чужими. Противоречия между «чужими» всеобщими нормами и «метисом» порождают естественный оппортунизм, снижающий и без того невысокий уровень доверия между населением и центральной властью⁴⁶, что, в свою очередь, подталкивает

⁴⁶ Вахтина 2011.

ее к усилению контроля — сперва над территориями, затем над самими контролерами и, наконец, над теми, кто контролирует контролеров.

Издержки контроля возрастают, становясь для государства непосильным бременем. Соответственно, начинается сокращение аппарата — но без сокращения его функций. Для того чтобы эти функции как-то выполнять, аппарат создает свои нормы, отличные от заданных политической властью. В результате из просто машины аппарат трансформируется в совокупность «мыслящих машин» (силовых и надзорных органов, обладающих собственными интересами), что со временем оборачивается и «восстанием машин». При этом правила, по которым действуют «машины» (поскольку они не те, что заявлены формально), неизвестны ни подвластным, ни даже самой власти, которым приходится их угадывать⁴⁷.

⁴⁷ Подробнее см. Бляхер, Григоричев и Елохина 2021.

Для подвластных (населения) возникает ситуация не просто «презуппции виновности» (то есть потенциальной возможности подвергнуться санкции за неизбежный поступок), но виновности неожиданной, непредсказуемой. Все прежние способы компенсации рисков, обеспечения безопасного и комфортного существования начинают давать сбой. Вне зависимости от социального статуса человека жизнь в городе становится все более рискованной. Число «неприкасаемых», еще недавно довольно значительное, сегодня стремится к нулю — и не столько в силу торжества принципа равенства людей перед законом, сколько в силу внезапности и непредсказуемости наступления санкций.

Казалось бы, в этих условиях естественной реакцией населения должно было стать бегство из города. Но города продолжают оставаться главными ресурсными центрами. Именно туда направляются бюджетные средства, там расположены местные и центральные офисы госмонополий и предприятий с госзаказом или иными формами государственной поддержки, там сконцентрированы чиновники и военные с высокими зарплатами. Там есть работа и доход. Иными словами, и бежать из города, и жить в нем оказывается в равной степени невозможно, причем это касается не только еще недавно привилегированных групп, но и обитателей «социального дна»⁴⁸.

⁴⁸ Бляхер и Ковалевский 2021.

Здесь и возникает тенденция к распределенному образу жизни. Правда, «распределение» это имеет косвенное отношение к хозяйству. Речь идет скорее о разделении хозяйства (город) и жизни («пустое пространство»), стремлении не выйти за пределы государства, а выстроить дистанцию между собой и властью. Удаленность, традиционно рассматриваемая как проклятье (в хозяйственном смысле), становится ресурсом. Удаленную власть проще сделать предсказуемой, уменьшить риски при контакте с ней. Так формируется новая модель распределенного расселения. Люди уезжают в другое («невидимое») место не для того, чтобы заработать на жизнь (зарабатывают они в городе), а для того, чтобы жить.

⁴⁹ Григоричев 2013. Стремление к «невидимости» проявляется уже в российских практиках субурбанизации⁴⁹, когда новые пригороды чаще возника-

ют за рамками формализованного пространства. Строго говоря, такое дистанцирование не очень эффективно, поскольку в данном случае власть остается слишком близкой. Однако большее удаление требует и больших ресурсов — не бесконечных, но значительных. Причем эта стратегия едва ли подойдет представителям экономической или политической верхушки. Они слишком «видимы». Невидимое пространство не столько «прикроет» их, сколько проявится само. Иными словами, «пустота» является пустотой не для всех. Освоить ее может богатый, но не очень известный человек. Собственно, именно к этой категории богатых, но не входящих в «первый круг» региональных и тем более федеральных деятелей, по сведениям авторов, и относятся владельцы усадеб.

«Дачников» из Жигалово и Усть-Кута, а также «бывших местных», на наш взгляд, следует рассматривать как локальный вариант жителей субурбий. Но если в случае с дачами и заимками вполне возможна легальная покупка или наследование (дома, земли и т.д.), то с усадьбами все сложнее. И дело отнюдь не в том, что у их владельцев не хватает денег для легальной покупки своих угодий, и даже не в том, что такая сделка противоречит существующим экологическим стандартам, ведь речь идет о многих гектарах земли и километрах берега реки. Гораздо важнее, что при оформлении подобной сделки «пустота» мгновенно исчезает. Появляется нечто, что может быть «прочитано» властью, а значит, стать объектом ее внимания. В результате пропадают удаленность и невидимость, что лишает смысла и саму сделку. Соответственно, возникает необходимость поиска иных форм легализации своих владений. Зафиксированные в ходе экспедиции практики демонстрируют, как решается эта задача.

**«Невидимки»
и власть:
как легализовать
пустоту, или кто
в доме хозяин**

Отметим, что «пустое пространство» — это отнюдь не пространство без власти, эдакая свободная земля свободных людей. Власть здесь есть, и вполне материальная. О «женщине-полковнице», которая с автоматчиками ездит по реке, мы услышали уже в ходе первой беседы. Упомянул о ней и управляющий одной из усадеб, рассказывая, что «хозяин» ругался, что ее («полковницу») не пустили в усадьбу, *«хотя сам говорил, чтобы чужих не пускали»*. То есть «хозяин» прекрасно понимал потенциальную опасность, которую несет в себе недовольство начальника местной полиции. С вниманием со стороны власти — в лице сотрудников природоохраны — пришлось столкнуться и нам самим. Правда, проявлено оно было возле Усть-Кута, а не собственно на «пустой» территории, где мы были «обнаружены». Поскольку все документы у участников экспедиции были в порядке, нас с сожалением отпустили. Но в беседе с борцами за сохранность окружающей среды высветился любопытный момент: к «местным» они индифферентны, так как *«с них ничего не возьмешь»*. А приезжие («чужие») здесь редкость.

Иначе говоря, власть остается «далекой» до тех пор, пока в «пустоте» не оказывается объектов, которые она может «прочесть» как

интересные для себя. Здесь и возникают сложности легализации усадеб. Ведь невидимым и вместе с тем понятным необходимо быть и для власти местной (районной), и для власти областной. В ходе экспедиции мы получили лишь один достоверный кейс, связанный с такой легализацией. Но он очень показателен, ибо позволяет понять не только тактику, но стратегию бытия в «пустоте», проникнуть в логику периферии власти.

Итак, в 2012 г. на территории «мертвой» деревни, малой родины одного из влиятельных районных депутатов, иркутский предприниматель закладывает церковь. Строят ее единственный местный житель и его сыновья, проживающие в соседнем городе. Им помогают (церковь отнюдь не маленькая) нанятые предпринимателем рабочие. А так как рабочим нужно где-то жить, приобретается несколько строений в деревне. Параллельно начинается строительство усадьбы. Возведение церкви получает церковную и властную санкцию. Тем самым дается санкция и на пребывание здесь самого предпринимателя.

Этот шаг легализует присутствие предпринимателя и само строительство на уровне района. Не случайно освящение церкви становится событием районного масштаба, с прибытием массы гостей, включая районное руководство и священство. О том, что *«так и не выбрался тогда на церковь посмотреть»*, сожалел информант в 2021 г.

Но стройка закончена. Соответственно, существование в этом пространстве усадьбы, да и ее «хозяйина», утрачивает основания. И тут на помощь приходит модная экологическая тема. «Хозяин» организует зарыбление одного из притоков Лены, выпуская в нее привезенных мальков. Эффективность подобного предприятия с точки зрения восстановления рыбных богатств далеко не очевидна. Но его имиджевый эффект оказался значительным. О нем как о крайне важном и прогрессивном деянии социально ответственного бизнеса пишут областные газеты и таблоиды⁵⁰, «ответственного» бизнесмена приводят в пример представители власти. Однако для нашего рассмотрения важнее другое. В устье реки устанавливается станция, которая следит за ходом рыборазведения, отгораживается чуть ли не километр берега. Он, конечно, не принадлежит бизнесмену из региональной столицы. Но всякий проникший на этот берег посягает на наследие будущих поколений. Поэтому территория и охраняется тем, кто провел зарыбление.

Другим направлением экологической активности становится разведение кабанов и маралов. Для этого, разумеется, тоже нужны работники, а значит, жилье и условия обеспечения их деятельности. Необходимо и место, где бы можно было разводить этих ценных парнокопытных, адаптировать их к дикой природе.

В результате никакой усадьбы как бы и нет. Есть долгосрочный экологический проект, осуществляемый на средства частного лица. Поскольку деньги и инициатива его, естественно, что он там часто бывает и, следовательно, где-то живет.

⁵⁰ См., напр. *Река обетованная 2018*.

Таким образом, de facto имеется «барская усадьба» в глухой тайге, с автономным энергообеспечением, высоким уровнем комфорта, рыбными и охотничьими угодьями, где даже о лицензии на охоту не надо думать, ведь животные не природные, а разведенные. Есть деревня, заселенная обслуживающими усадьбу работниками, ведется разнообразная хозяйственная деятельность, путь и не ориентированная на продажу готовой продукции. De jure же речь идет об энтузиастах-волонтерах, озабоченных сохранением природного наследия Сибири. Иными словами, происходит легализация присутствия, но пространство остается «пустым», понятным и не интересным для власти.

Как поняли мы из беседы с (предположительно) сторожем другой усадьбы, та тоже формально числится не усадьбой, а базой для работ по углублению фарватера реки и организации навигации на этом участке. Здесь формой легализации стал статус организации. О базе говорил и работник одной из строящихся усадеб (правда, затруднился сказать, что и зачем там будет «базироваться»).

«Невидимость» является важным фактором и для «обычных дачников». Так, обитатель «дачи» в п. Молодежный убеждал нас, что он — житель поселка, как и владельцы остальных строений, которые просто сегодня уехали в город.

При этом и в «невидимом» пространстве формируются властные отношения и иерархии. Конечно, эти иерархии не столь линейны, как в учебниках по социологии. Но определенные отношения старшинства и подчиненности можно проследить.

Владельцы усадеб («олигархи») — это не просто богатые люди, но люди, способные мобилизовать власть для решения своих проблем. В случае с мэром города ситуация очевидна, но не только с ним. В ходе экспедиции мы наткнулись на комплекс относительно новых строений (баня, беседка с расчищенной площадкой перед ними), явно переживших пожар. По словам информанта, здесь собирался строиться один из «олигархов», но недовольные этой неожиданной для того времени новацией «местные», тогда более многочисленные, пожгли уже построенное, что, вопреки обыкновению, вызвало серьезные «санкции» со стороны районной полиции, традиционно глядящей сквозь пальцы на локальные конфликты. Иначе говоря, существующая на удалении власть может быть актуализирована актором из «пустоты». Как следствие, определенные властные функции в отношениях с местным сообществом, видимым и невидимым, обретают и сами «олигархи».

Даже не будучи их подчиненными, местные жители об «олигархах» знают и признают их «старшинство» (хотя и не безоговорочно). Так, однажды, когда мы собирались сделать стоянку, нас предупредили, что в этом месте лучше не останавливаться, поскольку тут «поля... олигарха».

Сами «олигархи» к местному сообществу, похоже, себя не относят. Во время пилотной экспедиции владелец одной из усадеб, говоря о соседях, имел в виду отнюдь не своих работников и единственного жителя деревни, а владельцев других усадеб. Это позволяет предположить на-

личие между ними коммуникации и если не сложившегося сообщества, то совместности.

Вполне понятно, что для своих работников «олигарх» является «хозяином», полностью заслоняющим их от власти, но тем самым принимающим на себя властные функции. Именно он определяет их иерархию. Собранный нами материал не позволяет полностью реконструировать ее структуру, однако явно выделяются два уровня — «начальственный» (бригадир, управляющий, агроном) и уровень работников. Полномочия «начальника» в отношении работников достаточно велики. В частности, от него зависит предоставление выходного, в том числе без ведома «хозяина», что вполне можно трактовать как торговлю неформальными обязательствами, на которых строится иерархия. Только «начальник» может связаться с «хозяином», именно он представляет его во время отсутствия, выстраивает текущие отношения с местной (районной) властью.

Применительно к официально проживающим «местным» иерархия не столь очевидна. Во всяком случае управляющий усадьбой обращался к местному жителю, полностью зависящему от нее в хозяйственном плане, с «просьбой». То есть речь идет скорее о партнерстве, нежели о подчинении. Не исключено, что такое партнерство является еще одним механизмом легализации, когда строительство усадьбы и присвоение пространства становятся не вторжением, а договором. Договором не с формальным правообладателем (государством), а с символическим хозяином («местными»). Как к партнерам, хотя и младшим, к «местным» относятся и владельцы «дач». Судя по наблюдениям, наличие «местных», контакты с ними упрощают легализацию пребывания, уменьшают вероятность конфликта, способного привлечь власть извне. С позиции «местных» младшими партнерами, которых можно и «не пустить», выступают «городские». Это, на наш взгляд, тоже свидетельствует о партнерских отношениях. Здесь показательно, как именуют владельцев усадеб в разном окружении. Для работников они «хозяева», для дачников — «олигархи». А «местные» чаще всего называют их просто по имени.

Каких-либо регулярных контактов между «дачниками» и владельцами усадеб обнаружить не удалось. Возможно, что это два не вполне пересекающихся пространства. Впрочем, ситуация среди «дачников» тоже неоднородная. «Дачи» довольно серьезно различаются даже внешне. В одной из обследованных деревень четко выделялись три типа строений. Дом единственного местного жителя, по сути, представлял собой типичный для Сибири деревенский дом, правда, с антенной-тарелкой... и триколором как знаком власти. Необходимо отметить, что формально «власти» (администрации или какого-нибудь бюджетного учреждения) в деревне нет. Флаг выступает в данном случае скорее маркером символической власти («я тут местный»), требующей выстраивания договорных отношений. Большинство «жилых» домов составляли «дачи»-заимки и гаражи для лодок. Наконец, на некотором удалении от основной массы домов стояли три здания, приближавшиеся по виду

к «хозяйскому» дому в усадьбе, — двухэтажные или одноэтажные с жилым мезонином, балконом с видом на реку, беседками для приятного времяпрепровождения и т.д. Информант охарактеризовал их владельцев как «бандитов», судя по контексту, подразумевая под «бандитами» не столько криминальных деятелей, сколько потенциально опасных людей, способных на силовую акцию или мобилизацию закона. Если владельцы заимок и гаражей (по словам того же информанта, «такие же, как я, предприниматели») однозначно признают старшинство «олигархов», то «бандиты» просто образуют иной круг «хозяев». Причем важно, что и «олигархи», и «бандиты» в состоянии инициировать появление власти в «пустоте». Именно удаленная власть (точнее, возможность ее призвать) делает эти группы главными. Коммуникации между ними нам зафиксировать не удалось, хотя в подобной ситуации избегание тоже можно рассматривать как форму коммуникации.

А вот между работниками усадеб, «дачниками» и «местными» соседские отношения вполне выстраиваются, формируются более или менее стабильные контакты на повседневном уровне. Подчеркнем, что речь идет не об «инвестициях» горожан в сельскую экономику, а именно о взаимопомощи.

⁵¹ Жительнице села.

«Ну, мы бабушке⁵¹ помогаем. Если надо или если попросит, почему не помочь? Где-то дом обновить, вспахать, если что. И она нам всегда поможет. Разное бывает. Где-то и она помогает. Нормально живем. И люди нормальные» (строитель усадьбы, около 45 лет).

Поскольку «местных» становится все меньше, видимо, в ближайшее время начнут выстраиваться отношения между работниками и «дачниками». Проживая в относительной близости, они едва ли смогут оставаться «невидимыми» друг для друга. Уже сегодня их численность существенно превосходит число «местных». Какими будут эти отношения, пока сказать трудно. Можно предположить, что в той или иной мере они будут зависеть от степени укорененности, и может оказаться, что постоянно проживающие здесь работники окажутся «более местными», чем бывшие местные жители. Статус «местного» — чуть ли не единственный, но чрезвычайно важный ресурс, и именно «торговля локальностью» обеспечивает возможность выстраивать договорные отношения и обосновывать претензии на достойное место в новой социальной иерархии. Думается, что как раз такого рода контакты и сформируют новое сообщество в «пустоте». Правда, сообщество специфическое, члены которого разделены расстоянием в десятки километров.

Сообщества же или, точнее, совместности, объединенные рекой и особой формой пространства, судя по всему, стягиваются одним важнейшим качеством, которое и толкает жителей в «пустоту». В беседах с информантами это качество обозначалось словом «хозяин». Стоит вспомнить, что именно «хозяином» называли охотников в этих местах в советский период.

Именно о чувстве «хозяина» говорила респондентка на этапе подготовки к экспедиции, подчеркивая, что многие бежали на Лену «от

колхозов», поскольку только там в советские годы можно было чувствовать себя «хозяином». На то же чувство ссылалась она и при ответе на вопрос, что заставляло людей позднее возвращаться на эти окраинные земли.

«Конечно, здесь зарплаты в те годы, особенно у охотников, были хорошие. Больше, чем в городе. Но дело не только в этом. На участке охотник — это хозяин всего. Он сам решает, где зимовье ставить, где просеку рубить <...> Ему никто не указ» (бывшая жительница п. Орлинга, 54 года, преподаватель вуза).

Одна из причин резкого сокращения населения поселков в 1990-е годы, с ее точки зрения, заключалась в том, что на место «удаленного» государства пришел местный «бизнесмен», превративший свободного охотника в работника, ибо сам по себе доход (зарплата) не компенсировал сложные условия проживания. Иными словами, именно «удаленная» власть гарантировала охотникам право быть «хозяином», тем самым определяя и весь уклад хозяйственной и социальной жизни. С ее уходом был разрушен и статус «хозяина».

«Хозяевами» называют себя владельцы «дач». Так, уже неоднократно упоминавшийся нами информант — владелец двух гектаров земли «на всякий случай» отмечал, что только здесь ощущает себя человеком.

«В Усть-Куте все достают... начальников строят. Даже жена гоняет. Я ей сказал, что на два дня поехал, а сам думал, загашусь на неделю. Здесь я сам хозяин» (житель Усть-Кута, около 35 лет, предприниматель).

Вполне ощущают себя хозяевами этих территорий, которые пустили, а могли и не пустить гостей («дачников», «олигархов»), местные жители. Показательно, что единственный легальный житель деревни с полностью возведенной усадьбой воспринимает ее владельца как партнера, который правильно вкладывает свои деньги в эту землю. Но сама земля — его, жителя. Для «олигархов» же, как и для «дачников», такое восприятие — важная форма легализации себя в этом пространстве.

Двойственно и положение работников (строителей) усадеб. Они, конечно, зависимые люди. Многие, как, например, рабочий из подвергнувшегося наводнению Тулуна, соглашались на наем, находясь в сложном положении. Кроме собственно нанимателя, над ними стоит «управляющий» (бригадир, старший). Тем не менее, как говорили нам информанты из их числа, здесь они гораздо свободнее, чем на городской стройке. Удаленность от начальства, возможность «договориться со старшим» и у них порождает «хозяйское» чувство.

Впрочем, нанятые работники (чаще «рабочие») заметно уступают в этом плане лицам, работающим на владельца усадьбы, к которым относится усадебное начальство и некоторые специалисты. Рабочие — люди временные, чьи семьи остались в «заполненном пространстве». Их наем — на конкретную работу. «Свои» же действуют в рамках иного найма. Их зависимость от владельца усадьбы намного больше, но боль-

ше и делегируемая им доля власти. Как в римских латифундиях власть доверенного раба была выше, чем власть «свободного» колона.

Однако в наибольшей степени статусу «хозяина» соответствуют владельцы усадеб. Они не просто проживают в «пустом пространстве», бегут туда от городских проблем. Они конструируют его. По сути, именно усадьбы задают стилистику новых строений на «пустых территориях». «Дачники-бандиты» в меру своих возможностей стараются воспроизвести этот стиль, который, по нашему общему мнению, более всего отсылает к «Дикому Западу», причем не в аутентичном, а в голливудском его варианте⁵². Этакий Форт-Росс на сибирском фронтире, совмещающий элементы американской колониальной архитектуры и сибирского оборонного зодчества: мощные срубы из цельных бревен с ажурными окнами в пол, балконами, видовыми галереями, внешними лестницами на второй этаж и т.д. При этом чрезвычайно важным моментом выступает обращенность строений (окон, балконов) на «дикую природу».

⁵² Полетаев 2010.

Именно здесь, как представляется, и возникает тот единственный ориентированный на внешний рынок товар, который возможен и рентабелен в данных условиях. Этот товар — фронтир, само сконструированное пространство «пустой тайги», оснащенное вполне городскими удобствами. В единственной обследованной нами достроенной усадьбе по стенам «хозяйского» дома были развешаны фотографии хозяина с гостями — известными политиками, предпринимателями и деятелями искусства самой разной идеологической направленности. Едва ли для этих людей приглашение на элитный курорт или путешествие на яхте будет чем-то особо заманчивым. Другое дело поездка в «дикую тайгу», охота на маралов, рыбалка на дикой реке.

Более или менее очевидно, что речь не идет об оплате такой поездки. Рентабельность данной услуги скорее иного рода. Уникальная услуга в уникальном пространстве позволяет сконструировать сеть. Используется ли эта сеть как средство перемещения с регионального уровня на федеральный или повышает рейтинг хозяина в региональном сообществе, на основе наличного материала судить трудно. Но предположить ее эффективность вполне допустимо. В принципе изучение подобного рода сетей составляет отдельную исследовательскую задачу. В данном же случае для нас важно то, что именно здесь, в «пустоте», выстраиваются сети дружбы и привязанности. Тем более что статусное потребление «пустоты», использование ее для формирования связей просматриваются и на уровне «дач» и «заимок». Как заметил один из информантов, «обычные дачи» у ленивых или бедных, «крутые» же обзаводятся «дачами» тут (на обследуемом «пустом» участке). Сам он тоже ехал на «дачу» для встречи с «корешами».

Все это дает основания для гипотезы, что мы имеем дело не со случайным кейсом, а с неким более общим процессом разделения места для зарабатывания денег и места для жизни. Первое локализовано в городе и на сегодняшний день полностью детерминировано властью,

⁵³ См., напр. Ольденбург 2014.

причем чем крупнее город, чем он столичнее, тем проще заработать деньги. Второе, напротив, максимально дистанцировано, располагаясь на краю государства, но, что важно, не за его пределами. Если в классических моделях и работа, и дом, и локус формирования социальных взаимосвязей («третье место» в терминологии Рэя Ольденбурга) находятся в городе⁵³, то в нашем случае, который становится все более распространенным, полностью в городе остается только работа. Дом разделяется между пространством власти («городское жилье») и пространством на краю государства («жилье для жизни»). Третье же место целиком выносится на периферию. Там человек реализует себя с помощью городских ресурсов, там он любит, дружит, живет.

Но сама возможность появления подобного пространства, его границы и условия существования, как представляется, задаются тем типом власти, который мы обозначили термином «властная периферия». Здесь нет или почти нет властных агентов. Они присутствуют как потенция, но могут быть актуализированы привилегированными обитателями пространства, тем самым обретающими особый статус. Существовая в виде потенции, такая власть определяет и границы пространства — ведь совсем рядом (в райцентрах) ее присутствие вполне зримо. Устанавливает она и правила, в рамках которых реализуема «невидимость», а значит, и сама возможность пространства для жизни. Не случайно так тщательно выстраиваются модели легализации пребывания на этой территории «олигархов», да и не только «олигархов».

Насколько устойчивой окажется эта ситуация, на данный момент сказать трудно. Однако пока она есть, протестная активность в городах (центрах власти) на востоке России будет минимальной, а «пространство выхода» будет расширяться, образуя все новые формы «пустоты».

Библиография

- Алексеев Н.Н. (1998) *Русский народ и государство*. М.: Аграф.
- Бляхер Л.Е. (2014) *Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток*. М.: Европа.
- Бляхер Л.Е. и А.В.Ковалевский. (2021) «Без лидеров, лозунгов и транспарантов: борьба за город и рутинное сопротивление в частном секторе городов востока России (На примере Хабаровска)» // *Полития*, № 1 (100): 75—105. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-75-105.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-75-105.pdf) (проверено 5.12.2021).
- Бляхер Л.Е. и К.В.Григоричев. (2020) «„Острова в тайге“: формы (ре)освоения „пустого пространства“ на востоке России» // *Полития*, № 2 (97): 158—181. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2\(97\)-158-181.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-158-181.pdf) (проверено 5.12.2021).
- Бляхер Л.Е. и Т.Л.Огурцова. (2006) «Приключения легитимности власти в России, или Воссоздание презумпции виновности» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 53—66. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/3/Polis-2006-3-Blyakher-Ogurtsova.pdf> (проверено 5.12.2021).

Бляхер Л.Е., К.В.Григоричев и Ю.В.Елохина. (2021) «Принуждение к enforcement'у, или Государство в поисках силового оператора» // *Полития*, № 2 (101): 47–67. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2\(101\)-47-67.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2(101)-47-67.pdf) (проверено 5.12.2021).

Бухаева Т.Г. и М.В.Рагулина. (2019) «Криминальная география и незаконные рубки леса в Иркутской области» // *Московский экономический журнал*, № 9: 65–75.

Вагин В.В. (1997) «Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства» // *Мир России: Социология. Этнология*, т. 6, № 4: 53–88.

Вахтина М.А. (2011) «Доверие к государству как фактор повышения его эффективности» // *Журнал институциональных исследований*, т. 3, № 3: 57–65.

Гайдар Е. (2005) *Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории*. М.: Дело.

Григоричев К.В. (2013) *В тени большого города: социальное пространство пригорода*. Иркутск: Оттиск.

Дятлов В.И. (2021) «„Частный сектор“ советского города: дома, дворы и люди в словах и образах» // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, № 1: 19–29. URL: https://ojkum.ru/images/articles/2021-1/_2021_1_19-29.pdf (проверено 5.12.2021).

Каганский В.Л. (2001) *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей*. М.: Новое литературное обозрение. URL: <http://identityworld.ru/Monograhii/Kaganskij.pdf> (проверено 5.12.2021).

Капустина Е.Л. (2008) «Практика сезонной трудовой миграции как механизм регулирования экономических и социальных отношений в республике Дагестан» // *Демоскоп Weekly*, № 355–356. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit03.php> (проверено 26.10.2021).

Кибалов Е.Б. (2005) «Долгое время отрицательного отбора» // *ЭКО*, № 7: 61–75.

Кордонский С.Г. (2008) *Сословная структура постсоветской России*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Маклюэн М. и К.Фиоре. (2012) *Война и мир в глобальной деревне*. М.: АСТ; Астрель.

Мельникова Л.В. (2004) «Освоение Сибири: ревнивый взгляд из-за рубежа» // *ЭКО*, № 6: 99–119.

Моляренко О.А. (2013) «Распределенный образ жизни и контрурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений» // *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 1: 48–71. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/08/04/1314335643/%D0%9C%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (проверено 5.12.2021).

Моляренко О.А. (2017) «Государственные практики конструирования статистических иллюзий, или „Мертвые зоны“ отечественной статистики» // *Социологический журнал*, т. 23, № 4: 104–120. URL:

<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/5531/5715> (проверено 5.12.2021).

Нефедова Т.Г. (2012) «Горожане и дачи» // *Отечественные записки*, № 3: 204—216.

Ольденбург Р. (2014) *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества*. М.: Новое литературное обозрение.

Панеях Э.Л. (2003) «Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. закон применяемый» // *Политическая наука*, № 1: 33—52.

Плюсин Ю.М., Я.Д.Заусаева, Н.Н.Жидкевич и А.А.Позаненко. (2013) *Отходники*. М.: Новый хронограф.

Полетаев Д. (2010) *Форт Росс*. М.: АСТ; Зебра Е.

«Река обетованная, или Особенности национального зарыбления». (2018) // *Байкал* 24, 3.07. URL: https://baikal24.ru/text/03-07-2018/reka_obet/ (проверено 5.12.2021).

«Сергей Шойгу — о новых городах в Сибири. Полная версия» // *РБК*, 6.09. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6131fab69a79471a71a0b412> (проверено 5.12.2021).

Сулов Е.В. (2011) «Политическая периферия как территория торжествующего авторитаризма» // *Политическая наука*, № 4: 242—244.

Тагиев М.И. (2018) «Формы проявления теневой экономики в лесозаготовительной промышленности и инструменты борьбы с ней» // *Известия Байкальского государственного университета*, т. 28, № 4: 711—718.

Трейвиш А.И. (2010) «„Сжатие“ пространства: трактовка и модели» // *Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования*. М.: Эслан: 16—31. URL: <http://www.ecoross.ru/files/books2010/Sjatie%20prostranstva,%202010.pdf> (проверено 5.12.2021).

Флоринская Ю.Ф. (2006) «Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания» // *Социологические исследования*, № 6: 79—87. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/199/801/1219/011_Florinskaya.pdf (проверено 5.12.2021).

Bliakher L. (2013) «The Regional Barons» // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30—39.

Bone R.M. (2016) *The Canadian North: Issues and Challenges*. Oxford: Oxford University Press.

Etzioni A. (1998) «Voluntary Simplicity: Characterization, Select Psychological Implications, and Social Consequences» // *Journal of Economic Psychology*, vol. 19: 619—643.

Hill F. and C.Gaddy. (2003) *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington: Brookings Institution Press.

Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Malden (MA): Blackwell.

Sassen S. (2001). *The Global City: New York, London*. Princeton: Princeton University Press.

Schweitzer P., O.Povoroznyuk, and S.Schiesser. (2017) «Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North» // *The Polar Journal*, vol. 7, no. 1: 58—85.

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press.

Tilly Ch. (1997) «How Empires End» // Barkey K. and M. von Hagen, eds. *After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires*. Boulder, Oxford: Westview Press: 1—11.

L.E.Bliakher, K.V.Grigorichev, I.O.Peshkov
ON THE EDGE OF THE STATE:
POLITICAL FORMATION
OF THE PERIPHERY OF POWER

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor; Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Konstantin V. Grigorichev — Doctor of Sociology; Vice-Rector for Research and International Affairs at Irkutsk State University; Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk). Email: grigoritchev@yandex.ru.

Ivan O. Peshkov — Ph.D. in History; Professor of the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences and Adam Mickiewicz University (Poznan). Email: ivanpeshkov2007@yandex.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of a special political form that arises in the “empty space” on the “edge of the state”, where actors of power exist remotely, beyond the boundaries of the “emptiness”, but they can be materialized in it. The authors use the term “periphery of power” to describe this political form. The article shows that “empty space” is not a vacuum, but it does not contain what the observer (in this case, the authorities) expects to see, what he can read and comprehend as some kind of entity. It is the absence of the expected objects, actors and practices that makes the space “empty”.

The paper verifies the hypothesis that, being “empty” for an observer, such space is populated and has authorities. Empirically, the study is based

on the results of two field works to the upper Lena River. The territory has neither settlement structure nor legal economic activity, and the number of registered residents is minimal. The nearest authorities (police, environmental protection, municipal authorities, etc.) are located on the borders of the territory, and the distance to the nearest large city (Irkutsk) is 500–700 km. Nevertheless, the field work there revealed a fairly large community with its own hierarchy, stable forms of communication, legalization and mobilization of remote authorities. For members of this community, staying in the “empty territory” makes no sense from the economic point of view. They are registered in other places (district centers or other regional cities, including capitals) and represent relatively successful citizens. However, the city remains for them nothing else but a source of resources (material, financial, etc.). They live exactly in the “empty space”. Social networks are formed in it, statuses and communication are built, which can be turned into the space of power.

The insights that the authors obtained give ground to assume that this process is not an outlier, but rather represented a more general process of separating a place to earn money and a place to live. According to their conclusion, while maintaining the current trends, the “exit space” documented by them will expand, forming more and more new forms of “emptiness”.

Keywords: periphery of power, empty space, (re)development, power center, political actors, informal communication

References

- Alekseev N.N. (1998) *Russkij narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf. (In Russ.)
- Bliakher L. (2013) “The Regional Barons” // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30–39.
- Bliakher L.E. (2014) *Iskusstvo neupravljajemoj zhizni: Dal'nij Vostok* [The Art of Unmanageable Life: The Far East]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Bliakher L.E. and A.V.Kovalevsky. (2021) “Bez liderov, lozungov i transparantov: bor'ba za gorod i rutinnoe soprotivlenie v chastnom sektore gorodov vostoka Rossii (Na primere Khabarovska)” [Without Leaders, Mottos or Billboards: Fight for the City and Routine Resistance in the Private Sector of Cities in East Russia (Case of Khabarovsk)] // *Politeia*, no. 1 (100): 75–105. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-75-105.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-75-105.pdf) (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)
- Bliakher L.E. and K.V.Grigorichev. (2020) “„Ostrova v tajge“: formy (re)osvoenija „pustogo prostranstva“ na vostoke Rossii” [“Islands in Taiga”: Forms of (Re)Development of “Empty Space” in the East of Russia] // *Politeia*, no. 2 (97): 158–181. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2\(97\)-158-181.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-158-181.pdf) (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)
- Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, and Yu.V.Elokhina. (2021) “Prinuzhdenie k enforcement'u, ili Gosudarstvo v poiskakh silovogo operatora” [Forced Enforcement, or The State in Search of Enforcer] // *Politeia*, no. 2 (101):

47—67. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2\(101\)-47-67.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2(101)-47-67.pdf) (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Blyakher L.Ye. and T.L.Ogurtzova. (2006) “Prıkljucheniya legitimnosti vlasti v Rossii, ili Vossozdanie prezumptsii vinovnosti” [Adventures of Power Legitimacy in Russia, or Reviving of the Presumption of Culpability] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 53—66. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/3/Polis-2006-3-Blyakher-Ogurtsova.pdf> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Bone R.M. (2016) *The Canadian North: Issues and Challenges*. Oxford: Oxford University Press.

Bukhaeva T.G. and M.V.Ragulina. (2019) “Kriminal’naja geografija i nezakonnyye rubki lesa v Irkutskoj oblasti” [Criminal Geography and Illegal Logging in Irkutsk Region] // *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal* [Moscow Journal], no. 9: 65—75. (In Russ.)

Dyatlov V.I. (2021) “„Chastnyj sektor“ sovetskogo goroda: doma, dvory i ljudi v slovakh i obrazakh” [“Private Sector” of the Soviet City: Houses, Yards and People in Words and Images] // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija* [Ecumene. Regional Researches], no. 1: 19—29. URL: https://ojkum.ru/images/articles/2021-1/_2021_1_19-29.pdf (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Etzioni A. (1998) “Voluntary Simplicity: Characterization, Select Psychological Implications, and Social Consequences” // *Journal of Economic Psychology*, vol. 19: 619—643.

Florinskaya Yu.F. (2006) “Trudovaja migratsija iz malykh rossijskikh gorodov kak sposob vyzhivaniya” [Labor Migration from Minor Russian Towns as a Way to Survival] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 6: 79—87. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/199/801/1219/011_Florinskaya.pdf (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Gaidar E. (2005) *Dolgoe vremja. Rossija v mire: Oчерki ekonomicheskaj istorii* [A Long Time. Russia in the World: Essays on Economic History]. Moscow: Delo. (In Russ.)

Grigorichev K.V. (2013) *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of Big City: the Social Space of Suburbs]. Irkutsk: Ottisk. (In Russ.)

Hill F. and C.Gaddy. (2003) *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington: Brookings Institution Press.

Kaganskiy V.L. (2001) *Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: Sbornik statej* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space: Collection of Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. URL: <http://identityworld.ru/Monograhii/Kaganskiy.pdf> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Kapustina E.L. (2008) “Praktika sezonnoj trudovoj migratsii kak mekhanizm regulirovaniya ekonomicheskikh i sotsial'nykh otnoshenij v respublikе Dagestan” [Seasonal Labor Migration as a Mechanism for Regulating Economic and Social Relations in the Republic of Dagestan] // *Demoskop*

Weekly, no. 355—356. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit03.php> (accessed on 26.10.2021). (In Russ.)

Kibalov E.B. (2005) “Dolgoe vremja otritsatel’nogo otbora” [A Long Time of Negative Selection] // *EKO* [ECO Journal], no. 7: 61—75. (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2008) *Soslovnaja struktura postsovetskoj Rossii* [Estate Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”. (In Russ.)

Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Malden (MA): Blackwell.

McLuhan M. and Q.Fiore. (2012) *Vojna i mir v global’noj derevne* [War and Peace in the Global Village]. Moscow: AST; Astrel’. (In Russ.)

Mel’nikova L.V. (2004) “Osvoenie Sibiri: revnivij vzgljad iz-za rubezha” [The Development of Siberia: a Jealous View from Abroad] // *EKO* [ECO Journal], no. 6: 99—119. (In Russ.)

Molyarenko O.A. (2013) “Raspredeleennyj obraz zhizni i kontrurbanizatsionnye protsessy kak faktory razvitija sel’skikh i gorodskikh poselenij” [A Distributes Way of Life and Counter-Urbanization Processes as Development Factors of Rural and Urban Settlements] // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal’nogo upravlenija* [Public Administration Issues], no. 1: 48—71. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/08/04/1314335643/%D0%9C%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Molyarenko O.A. (2017) “Gosudarstvennye praktiki konstruirovaniya statisticheskikh illjuzij, ili „Mertvye zony“ otechestvennoj statistiki” [The State Practice of Constructing Statistical Illusions, or “Dead Zones” in National Statistics] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], vol. 23, no. 4: 104—120. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/5531/5715> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Nefedova T.G. (2012) “Gorozhane i dachi” [Townspeople and Dachas] // *Otechestvennye zapiski* [OZ: Journal of Russian Thought], no. 3: 204—216. (In Russ.)

Oldenburg R. (2014) *Tret’e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta “tusovok” kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Paneyakh E.L. (2003) “Neformal’nye instituty i formal’nye pravila: zakon dejstvujushchij vs. zakon primenjaemyj” [Informal Institutions and Formal Rules: the Law in Force versus the Applicable Law] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 33—52. (In Russ.)

Plusnin Yu.M., Ya.D.Zausaeva, N.N.Zhidkevich, and A.A.Pozanenko. (2013) *Otkhodniki* [Wandering Workers]. Moscow: Novyj khronograf. (In Russ.)

Poletaev D. (2010) *Fort Ross* [Fort Rozz]. Moscow: AST; Zebra E. (In Russ.)

“Reka obetovannaja, ili Osobennosti natsional’nogo zaryblenija” [The Promised River, or Features of National Stocking]. (2028) // *Baikal* 24,

3.07. URL: https://baikal24.ru/text/03-07-2018/reka_obet/ (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Sassen S. (2001). *The Global City: New York, London*. Princeton: Princeton University Press.

Schweitzer P., O.Povoroznyuk, and S.Schiesser. (2017) “Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North” // *The Polar Journal*, vol. 7, no. 1: 58–85.

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press.

“Sergey Shoygu — o novykh gorodakh v Sibiri. Polnaja versija” [Sergey Shoygu — about New Cities in Siberia. Full Version] // *RBC*, 6.09. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6131fab69a79471a71a0b412> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Suslov E.V. (2011) “Politicheskaja periferija kak territorija torzhestvujushchego avtoritarizma” [Political Periphery as the Territory of Triumphant Authoritarianism] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 4: 242–244. (In Russ.)

Tagiev M.I. (2018) “Formy projavlenija tenevoj ekonomiki v lesozagotovitel’noj promyshlennosti i instrumenty bor’by s nej” [Shadow Economy Forms of Manifestation and Tools to Combat It in the Timber Industry] // *Izvestija Bajkal’skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Baikal State University], vol. 28, no. 4: 711–718. (In Russ.)

Tilly Ch. (1997) “How Empires End” // Barkey K. and M. von Hagen, eds. *After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires*. Boulder, Oxford: Westview Press: 1–11.

Treivish A.I. (2010) “„Szhatie“ prostranstva: traktovka i modeli” [Space Compression: Interpretation and Models] // *Szhatie sotsial’no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional’nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Compression of Socio-Economic Space: New in the Theory of Regional Development and the Practice of Its State Regulation]. Moscow: Eslan: 16–31. URL: <http://www.ecoross.ru/files/books2010/Sjatie%20prostranstva,%202010.pdf> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Vagin V.V. (1997) “Russkij provintsial’nyj gorod: kljuchevye elementy zhizneustrojstva” [The Russian Provincial City: Key Elements of the Structure of Life] // *Mir Rossii: Sotsiologija. Etnologija* [Universe of Russia: Sociology. Ethnology], vol. 6, no. 4: 53–88. (In Russ.)

Vakhtina M.A. (2011) “Doverie k gosudarstvu kak faktor povysheniya ego effektivnosti” [Thrust in the State as a Factor of Increasing Its Efficiency] // *Zhurnal institucional’nykh issledovanij* [Journal of Institutional Studies], vol. 3, no. 3: 57–65. (In Russ.)